

М.Г. КОНДРАТЬЕВ

*Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия
ORCID: 0000-0003-0394-3170*

К истории российской «лежачей арфы»

В статье рассматривается история псалтиревидного хордофона, разновидности гуслей – «лежачей арфы», – согласно общепринятому представлению, попавшего в Европу в эпоху крестовых походов из стран Ближнего Востока. В XIII–XIV веках он получил развитие в практике русских скоморохов, которые принесли в Поволжье инструмент, изгнанный из пределов Московской Руси в XVII веке. Поэтому в XIX и XX столетиях экскурсы в историю псалтиревидных гуслей исследователи иллюстрировали фотографиями реально бытующего чувашского инструмента. По мысли Р.Б. Галайской, у народов Поволжья многострунный хордофон существовал ранее – и в достаточно совершенном виде, чтобы заинтересовать православных миссионеров XIII–XVI веков. Это согласуется с представлениями об уровне развития культуры Камско-Волжской Булгарии и со сведениями из трудов Ф.П. Павлова и М.Н. Нигмедзянова. История «лежачей арфы», сохранившейся в быту чувашей и других народов Поволжья, прослеживается от Древнего Китая, имевшего цитровидные инструменты уже в IV веке до н.э., через тюркоязычных болгарских предков, в результате ряда переселений обосновавшихся на современных территориях. Таким образом, альтернативная версия происхождения псалтиревидных гуслей в культурной истории России, намеченная в трудах исследователей минувшего столетия, обретает черты исторической концепции, требующей дальнейшей разработки.

Ключевые слова: псалтиревидный хордофон, скоморохи, чувашские гусли, альтернативная версия, Древний Китай, Камско-Волжская Булгария, народы Поволжья.

Для цитирования / For citation: Кондратьев М.Г. К истории российской «лежачей арфы» // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2023. № 3. С. 86–94. DOI: 10.17674/2782-3601.2023.3.086-094. EDN: RIYRPG

MIKHAIL G. KONDRATYEV

*Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia
ORCID: 0000-0003-0394-3170*

On the History of Russian "Recumbent Harp"

The article examines the history of the psalter-shaped chordophone, a kind of harp – “recumbent harp” which, according to the generally accepted view, came to Europe during the Crusades’ era from the Middle East countries. In the XIII–XIV centuries, it was developed in the practice of Russian buffoons, who brought to the Volga region an instrument expelled from the borders of Muscovite Russia in the XVII century. Therefore, in the XIX and XX centuries, researchers illustrated excursions into

the history of the psalter-shaped gusli with photographs of the actually existing Chuvash instrument. According to R.B. Galaiskaya, among the Volga region peoples the multi-stringed chordophone existed earlier and in a sufficiently perfect form to be interested to Orthodox missionaries of the XIII–XVI centuries. It is consistent with the ideas about the level of developing the Kama-Volga Bulgaria culture and with information from the F.P. Pavlov and M.N. Nigmedzyanov's works. The history of the "recumbent harp", preserved in the life of Chuvash and other peoples of the Volga region can be traced back to Ancient China, which had citro-shaped instruments as early as the IV century BC, through the Turkic-Speaking Bulgarian ancestors as a result of a number of migrations settled in modern areas. Thus, an alternative version of the psalter-shaped harp origin in the cultural history of Russia, outlined in the works of the past century researchers, acquires the features of a historical concept that requires further development.

Keywords: psalter-shaped chordophone, recumbent harp, buffoons, Chuvash gusli, alternative version, Ancient China, Kama-Volga Bulgaria, peoples of the Volga region.

Гусли, щипковый хордофон с горизонтальным расположением струн над деревянным струнодержателем, известен только в культурном пространстве России. Ограниченная локализация, а также уход гуслей из массового музыкального быта после XVII века обусловили их малую известность во внешнем мире, вплоть до того, что в универсальном указателе «Систематика музыкальных инструментов Э.М. Хорнбостеля–К. Закса начала XX века [20] для этого инструмента не нашлось места¹. Тем не менее в русской культуре, по авторитетному мнению Н.Ф. Финдейзена, гусли являлись «наиболее уважаемым в старину музыкальным инструментом» [19, с. 217]. Характеризуя гусли как «наиболее сложный и культурный инструмент русского народа» [19, с. 217], Финдейзен, разумеется, имел в виду наиболее совершенную разновидность инструмента – «лежащую арфу», как называли в XVIII столетии многострунные псалтиревидные гусли с полуовальным (шлемовидным) корпусом, в отличие от архаичных крыловидных (звончатых) гуслей, которые в литературе именовались «первобытными», «доскообразными», или, по-фольк-

лорному, «досочкой гусельной» [16, с. 33, 92, 95...].

Полная загадок тысячелетняя история и уникальные выразительные, темброво-фактурные и технические возможности инструмента, ныне переживающего возрождение, объясняют внимание к нему многих авторов.

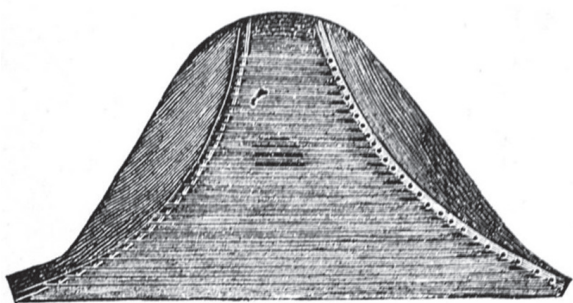
Согласно концепции, изложенной первым исследователем гуслей А.С. Фаминцыным, прототип европейского многострунного хордофона, принадлежавший народам Ближнего Востока, попал на Запад в эпоху крестовых походов [18, с. 81–84]. Он писал: «Мы с XI века начинаем встречать на западе Европы и специально гуслевидные инструменты. <...> Описанный инструмент... получил в Европе сходное с оригинальным – *santir*, *pisantir* – название *Psalterium*...» [16, с. 81, 84]. В среде восточных славян его присутствие зафиксировано в изображениях XIII–XIV столетий. Принято считать, что народы Поволжья, сохранившие в музыкальном обиходе гусли-псалтериум, получили их из рук русских скоморохов, изгнанных из пределов Московской Руси по царскому указу 1648 года. Сравнение изображений

¹ Из аналогичных хордофонов с резонаторным ящиком названы только цитра, цимбалы и фортепиано [20, с. 250].

гусле́ра-скоморо́ха в древнерусских церковных книгах XIV–XV веков (см. ил. 1) с чувашским хордофоном *кёсле* XIX века (ил. 2) не оставляет сомнений, что это один и тот же инструмент.

Ил. 1. Рис. 31в из книги Н.Ф. Финдейзена: буква «Д» с изображением гусле́ра-скоморо́ха [19, с. 121]

Ил. 2. Рис. 82 из книги Н.Ф. Финдейзена: «26-струнные гусли нижегородские» [19, с. 221]

Не находя иных «живых» образцов, Фаминцын и его последователи иллюстрировали свои экскурсии в историю русских псалтиревидных гуслей фотографиями исключительно чувашского инструмента. Это считалось естественным в свете сложившейся концепции и никак не комментировалось. Тем более что и многие дру-

гие изображения чувашского инструмента позволяют убедиться в сходстве *кёсле* не только с внешним видом инструмента XIV века, но и в способе держать его на коленях в положении сидя, а также в технике игры, зацепывая струны всеми десятью пальцами: правая рука в среднем и верхнем регистрах, левая – в басовом (см., например, ил. 3 с фотографией 1920-х гг.).

Ил. 3. Игра на чувашском *кёсле*. 1920-е гг.
Фото из Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук

Однако история собственно чувашского варианта псалтериума, ставшего для историков русской музыки аргументом в пользу его реального и непрерывного существования вплоть до настоящего времени, в трудах о музыкальных инструментах народов Поволжья отражена крайне фрагментарно и мыслится чаще всего в рамках всё той же «скоморошеской» концепции.

Сравнительно недавно получила известность альтернативная гипотеза, сформулированная Р.Б. Галайской. В своём стремлении объяснить – при отсутствии документальных данных – одну из главных загадок

истории псалтиревидных гуслей в России она выстраивает нетривиальную логическую конструкцию: «Изображения... полуовальных гуслей ...появляются в тот исторический период, когда в Поволжье и прилегающих к нему регионах активизировалась русская миссионерская деятельность, сопровождавшаяся, естественно, усилением контактов с местными жителями. Известно, что христианизация сопровождалась и известного рода русификацией. Непонятные русским священникам названия местных традиционных предметов переводились на русский язык. То же могло произойти и с традиционным многострунным музыкальным инструментом, так похожим на русские гусли...» [3, с. 23–24]. И далее: «...нет ничего удивительного в том, что, подхватив разновидность многострунного музыкального инструмента у вновь обращённых в православие народов, они принесли его с именем “гусли” в московские земли, где, безусловно, к инструменту должен был вспыхнуть интерес, подогреваемый теми же скоморохами – профессиональными игроками и музыкантами... Однако популярность пришлого инструмента оказалась недолговечной» [3, с. 24–25].

С точки зрения ленинградской исследовательницы, у народов Поволжья этот инструмент уже существовал – и в достаточно совершенном виде, чтобы заинтересовать миссионеров. Это согласуется с представлениями историков об уровне развития культуры и ремёсел (в том числе обработки дерева, металла, кости) в Камско-Волжской Булгарии IX–XIII веков [5] – территории, где проживали предки современных чувашей и других народов Поволжья.

Гипотеза Галайской коллегами не отвергнута, но и развития пока не получила. В настоящей статье предпринимается попытка дополнить сведения об истории многострунника, связав их с информацией из других источников, в частности, из исследований учёных Чебоксар и Казани.

В 1928 году в журнале «Сунтал» («Накопальня») вышла статья музыканта и литератора Ф.П. Павлова «Чăваш кĕсли» («Чувашские гусли») [14, рус. перевод 15], в которой на основе собранных им данных происхождение гуслей было рассмотрено через призму истории древнейших предков чувашей, находившихся в среде гуннских племён². Считается, писал он, что «гусли перекочевали к нам из Восточной Азии через Византию. Однако, по нашему мнению, гусли могли попасть в Европу и иным путем. Этот путь – из Китая через гуннов» [15, с. 249].

Напоминая, что аналог гуслей – «ше» (в современной транскрипции «сэ») – существовал в древнем Китае, Павлов указывает альтернативный путь продвижения прототипа псалтериума в Европу: «Китайский народ в культурном отношении был гораздо выше гуннов. Поэтому гунны могли воспринять от китайцев и музыкальную культуру. Может быть, предки чувашей, как и таранчинцы³, вывезли из Азии гусли наподобие калуна (многострунный хордофон таранчинцев). По переселении их в Европу этот инструмент мог получить распространение среди европейских народов» [15, с. 249]. Тем самым Павлов допускает, что многострунный хордофон у чувашей изначально мог быть культурным наследием древнейших тюркоязычных предков. При этом иссле-

² Павлов опирается на концепцию древнейшей истории тюркоязычных предков чувашей. В «Советской исторической энциклопедии» она упоминается в виде ссылки на источники: «О связях Г[уннов] с чувашами: Bartold V.V., 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens, В., 1935; Серебrenников Б.А., Происхождение чуваш по данным языка, в сб.: О происхождении чувашского народа, Чебоксары, 1957» [6, стб. 891].

³ Таранчинцы или таранчи – «название уйгуров долины р. Или» [17, стб. 118].

дователь разумно осторожен в своих экстраполяциях, поскольку конкретных данных ранее XVIII века не находит: «...Как об этом пишут Г. Миллер (1791 г.) и И. Георги (1799 г.), в XVIII веке гусли являлись у чувашей любимым музыкальным инструментом. Если это так, то, можно думать, гусли получили распространение у чувашей ещё раньше» [там же]. Павлов даёт своё объяснение и загадочному феномену исчезновения псалтиревидных гуслей в русской культуре: «Когда началось усиленное проникновение европейской немецкой музыки, гусли у русских стали забываться, получила распространение «гармошка» и т. д.» [15, с. 249].

Намеченную Павловым историческую схему в последней четверти XX столетия дополнили исследования казанского музыковеда М.Н. Нигмедзянова. Он ввёл в историю музыкальной культуры тюрков Поволжья (современных татар и чувашей, унаследовавших культуру Камско-Волжской Булгарии) несколько исторических источников рубежа первого и второго тысячелетий н. э. В них упоминаются музыкальные инструменты, в числе которых – струнные, иногда прямо именуемые гуслиями. При этом заслуживает внимания предупреждение музыковеда, что «...названия инструментов даны преимущественно по русским источникам... Быть может, дальнейшие исследования позволят восстановить подлинные названия употреблявшихся в ту пору инструментов» [11, с. 268]⁴. Так, у Ибн-Даста читаем: «Есть у них разного рода лютни, гусли и свирели...» (цит. по: [13, с. 24]). В другом источнике, на который ссыла-

ется Нигмедзянов, фигурирует «бандура». Под данным инструментом, согласно комментарию исследователя, «возможно, следует понимать домбру или разновидность гусель...» [там же]. В этом же ряду даётся ссылка на упомянутую выше статью Грекова и Калинина «Булгарское государство до монгольского завоевания» [5] – в ней говорится об археологической находке – детали струнного музыкального инструмента, по предположению М.Н. Нигмедзянова, «типа гусель» [13, с. 23]⁵. На основании этих данных Нигмедзянов вводит гусли в число музыкальных инструментов, бытовавших у болгарских предков татар с IX–XI веков [12, с. 269].

Более основательным аргументом представляется фрагмент текста автора «Казанской истории» (XVI в.), где описывается сцена ликования казанцев: «И радоватися и веселитися почаша, лики творяще, и прелестные песни поющи, и скачущи, и плещущи руками, и играючи в гусли своя, и в прегудницы ударяючи, и шум и грохотание велико творяще...» [8, с. 149]. Выражение «гусли своя», по мнению Нигмедзянова, свидетельствует о том, что здесь «совершенно определённо идёт речь о своих, татарских гуслиях» [12, с. 279], т. е. о хордофоне, отличающемся от известного русскому летописцу.

Тем самым проводится мысль, что в Казанском ханстве существовала особая разновидность щипкового аналога звончатых гуслей. Ими могли быть гусли псалтиревидные, действительно сохранившиеся в культуре волжских народов – чувашей, крещёных татар, марийцев, удмуртов. Следует иметь в виду, что в цитирован-

⁴ Аналогичные предупреждения по поводу названий инструментов в славянских переводах библейских текстов встречались и у А.С. Фаминцына [18, с. 133–134].

⁵ Заметим, что здесь музыковед несколько вольно интерпретирует текст археологов, ибо в статье Грекова и Калинина говорится: «О последних [струнных инструментах. – М.К.] говорит костяная пластинка трапецевидной формы с дырочками по углам и тремя отверстиями на большем основании трапеции. По нашему мнению, это была часть деревянного инструмента, к которой натягивались три струны» [5, с. 181].

ном тексте летописи слово «казанцы» — не этноним: среди веселящихся защитников Казани могли быть музыканты любого из местных народов. Вместе с тем напомним, что именно чувашский *кёсле* наиболее близок инструменту, изображавшемуся в XIV–XV веках.

Хронологически с «Казанской историей» совпадают данные о гусях в культуре народов Поволжья из источников, опубликованных в книге «Чувашские исторические предания» [7]. В них повествуется об участвовавших в осаде чувашах-гусярах. Отвлекая защитников крепости своей искусной игрой, они помогают точно определить расстояние до крепостной стены, чтобы сделать подкоп и взорвать её.

Согласно одному из вариантов этого сюжета, «русские войска... несколько раз пытались приступом овладеть Казанью. Но татары держались стойко. Они осыпали атакующих стрелами, обливали кипящей смолой. Служивший в войске Ивана Грозного знаменитый гусяр-чуваши любил по ночам играть на гусях разные мотивы. В ночной тиши далеко вокруг разносились мелодичные звуки. Их слышали и татары, сидевшие за крепостной стеной. “Однажды в полдень один татарин вышел к крепости и направился прямо к русским. Он разыскал гусяра и пригласил его к себе в Казань. Чуваш взял гусли и, крупно вышагивая, пошёл вслед за татаринком. Товарищи гусяра считали каждый его шаг. Гусяр подошёл к крепости и остановился. Тут-то и узнали точное расстояние до крепостной стены. Вслед за этим русские войска стали рыть подкоп под крепостные стены» [7, с. 81]. Кроме того, народная молва приписывала игру на гусях и самому хану: «Когда русский царь окружил город, татарский царь взобрался в верхнюю часть той мечети. Сколько ни стре-

ляли по нему, никто не попадал. “Эти нас не победят”, — думает татарский царь и, радуясь, играет на гусях» [там же, с. 79].

Типологическое определение любимого струнного музыкального инструмента чувашей как «лежачей арфы» (щипкового многострунника для игры обеими руками) впервые было дано в XVIII столетии историком Г.Ф. Миллером, видевшим его во время пребывания в Казани в 1733 или в 1743 году: «Из игральных инструментов первой у них есть наподобие лежачей гарфы, видом полумесяца, об 18 струнах» [10, с. 80]. Важно и его замечание, что «такие инструменты употребительны и у русских, которые называются гусями, и кажется, что как употребление сего инструмента, так и звание онаго взято у Татар, ибо Татары называют так же Гусли, Черемисы Кюселе, Чуваши Гюсселе, а Вотяки Крессь» [10, с. 80]. Предположение Миллера о татарском происхождении инструмента, по-видимому, исходило из текста «Казанской истории».

С этого времени чувашский *кёсле* регулярно упоминается на страницах академических изданий учёных-путешественников — П.С. Палласа [16, с. 145], И.Г. Георги [4, с. 38]). В XIX столетии гусли чувашей с разной степенью подробности описывают практически все этнографы, изучавшие культуры народов Поволжья. Их чертёж в трёх проекциях с детальными пояснениями содержит работа В.А. Мошкова, впервые вышедшая в свет в 1893 году [11, с. 39–40].

Таким образом, версия происхождения псалтиревидных гуслей в культурной истории России, предложенная Р.Б. Галайской, дополненная сведениями из трудов Ф.П. Павлова и М.Н. Нигмедзянова, обретает черты самостоятельной исторической

концепции. История «лежачей арфы видом полумесяца», непрерывно функционирующей в Поволжье, прочерчена от Древнего Китая, имевшего ещё в мифологические времена цитровидные инструменты (25-струнный сэ)⁶, достигшие Поволжья в эпоху великого переселения народов через предков в составе болгарских племен.

Письменные источники как минимум двух последних столетий свидетельствуют, что «термин “чувашские гусли” вошёл в обиход, и многие музыканты шлемовидные гусли называли “чувашскими”» [2, с. 113]. В XX столетии их иногда именовали также гуслиями «симбирскими», «нижегородскими», «волжскими». Павлов не без иронии писал: «До войны [Первой мировой. – М.К.] чувашские гусли начали продаваться в больших музыкальных магазинах Москвы (у Циммермана) и Казани (у Брюно). Однако эти владельцы магазинов, дабы не терять своего “доброго имени”, пустились на обман, называя чувашские гусли “иностранными, заграничными гуслиями”» [15, с. 250].

Современные чуваш и волжские татары в своей культуре сумели сохранить многие архаические элементы. В среде тюркоязычных народов они представляют особые

ветви, связанные с этноязыковым наследием Камско-Волжской Булгарии. Тюркологи определяют чувашей как болгароязычный народ, татар – как кыпчако-булгароязычный [1, с. 17]. С лингвистическими данными коррелируют и собственно музыкальные особенности их культур. Достаточно сказать, что основой традиционных музыкальных систем волжских тюрков является ангемитонно-пентатонная ладовая система, не характерная для представителей других ветвей тюркоязычных народов. Сходным образом и в традиционном музыкальном обиходе роль гуслей-псалтериума – особенно у чувашей – отличает их от инструментария народов, родственных по языковой семье.

Если встать на эту точку зрения, то чувашский *кёсле* становится ключом к пониманию истории российского псалтериума. Разумеется, сказанное не может осветить все многочисленные «белые места» древней и средневековой истории особого вида гуслей. Верится, что продолжение поисков ответа на загадки происхождения уникального музыкального инструмента – «лежачей арфы, видом полумесяца» – станет поводом и для его настоящего возрождения в современном культурном обиходе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и её изучение. М.: Наука, 1981. 133 с.
2. Бусыгин Е.П., Яковлев В.И. Гусли у поволжских народов // Советская этнография. 1985, № 2. С. 109–116.
3. Галайская Р.Б. Опыт исследования древнерусских гуслей в связи с финно-угорской проблематикой // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами / сост. И. Рюйтел. Таллин: Ээсти раамат, 1980. С. 21–31.
4. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 1. СПб., 1776–1777. 76 с.
5. Греков Б.Д., Калинин Н.Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань. 1948. С. 97–184.
6. Гумилёв Л.Н. Гунны // Советская историческая энциклопедия. Т. 4: Гаага–Двин. М.: Советская энциклопедия, 1963. Стб. 889–891.

⁶ В более поздние времена в Китае также появились не названные Павловым цитровидные 13–26-струнный чжэн и 7-струнный гуинь (цин).

7. Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания. Очерки истории чувашского народа с древних времён до середины XIX века. 3-е, дополненное издание. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 383 с.
8. Казанская история. М.; Л.: АН СССР, 1954. 195 с.
9. Казанское ханство // Чувашская энциклопедия. URL: <https://web.archive.org/web/20220502011546/http://enc.cap.ru/?lnk=3851&t=prsn/> (дата обращения: 12.07.2023).
10. Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко-то: черемис, чуваш, вотяков. СПб., 1791. 101 с.
11. Мошков В.А. Мелодии Волго-Камья. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 366 с.
12. Нигмедзянов М.Н. Татарские народные музыкальные инструменты // Музыкальная фольклористика. Вып. 2. М.: Советский композитор, 1978. С. 266–297.
13. Нигмедзянов М.Н. Татарские народные песни. Казань: Тат. кн. изд-во, 1984. 240 с.
14. Павлов Ф.П. Чăваш кĕсли // Сунтал. 1928, № 8. С. 23–24.
15. Павлов Ф.П. Чувашские гусли (перевод Н.С. Павлова) // Собр. соч. В 2-х т. Т. 2. Чебоксары, 1971. С. 248–250.
16. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санктпетербургской Академии наук. Ч. 1. СПб., 1773. 776 с.
17. Таранчи // Советская историческая энциклопедия. Т. 14: Таанак–Фелео. М.: Советская энциклопедия, 1973. Стб. 118.
18. Фаминцын А.С. Гусли. Русский народный музыкальный инструмент. Исторический очерк. СПб., 1890. 135 с.
19. Финдейзен Н.Ф. Очерки по истории музыки в России. С древнейших времен до конца XVIII века. Т. 1. Вып. II: С древнейших времен до начала XVIII века. М.; Л.: Музгиз, 1928. С. 105–236.
20. Хорнбостель Э.М. фон, Закс К. Систематика музыкальных инструментов / пер. И.З. Аллендера // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. М.: Советский композитор, 1987. С. 229–261.

Об авторах:

Кондратьев Михаил Григорьевич, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник направления искусствоведения, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (428015, Чебоксары, Россия), **ORCID: 0000-0003-0394-3170**, Mikh-kondratev@yandex.ru.

REFERENCES

1. Baskakov N.A. *Altayskaya sem'ya yazykov i ee izuchenie* [Altai Family of Languages and Its Study]. Moscow: Nauka, 1981. 133 p.
2. Busygin E.P., Yakovlev V.I. Gusli u povolzhskikh narodov [Gusli Among the Volga Peoples]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1985, No. 2, pp. 109–116.
3. Galayskaya R.B. Opyt issledovaniya drevnerusskikh gusley v svyazi s finno-ugorskoy problematikoy [Experience in the Study of the Old Russian Gusli in Connection with the Finno-Ugric Problems]. *Finno-ugorskiy muzykal'nyy fol'klor i vzaimosvyazi s sosednimi kul'turami* [Finno-Ugric Musical Folklore and Interrelations with Neighbouring Cultures]. Compiler I. Rüütel. Tallinn: Eesti raamat, 1980, pp. 21–31.
4. Georgi I.G. *Opisanie vsekh v Rossiyskom gosudarstve obitayushchikh narodov, takzhe ikh zhiteyskikh obryadov, ver, obyknoveniy, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamyatnostey. Chast' I* [Description of All the Peoples Living in the Russian State, as Well as Their Everyday Rituals, Faiths, Customs, Dwellings, Clothes and Other Memorabilia. Part 1]. St. Petersburg, 1776–1777. 76 p.

5. Grekov B.D., Kalinin N.F. Bulgarskoe gosudarstvo do mongol'skogo zavoevaniya [The Bulgarian State Before the Mongol Conquest]. *Materialy po istorii Tatarii. Vypusk 1* [Materials on the History of Tatarstan. Issue 1]. Kazan. 1948, pp. 97–184.
6. Gumilev L.N. Gunny [Huns]. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya. Tom 4: Gaaga–Dvin* [Soviet Historical Encyclopaedia. Vol. 4: The Hague–Dvin]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1963. Columns 889–891.
7. Dimitriev V.D. *Chuvashskie istoricheskie predaniya. Ocherki istorii chuvashskogo naroda s drevnikh vremen do serediny XIX veka* [Chuvash Historical Legends. Essays on the history of the Chuvash people from ancient times to the middle of the XIX century]. 3rd, supplemented edition. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2017. 383 p.
8. *Kazanskaya istoriya* [Kazan History]. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1954. 195 p.
9. Kazanskoe khanstvo [Kazan Khanate]. *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash Encyclopaedia]. URL: <https://web.archive.org/web/20220502011546/http://enc.cap.ru/?lnk=3851&t=prsn/> (12.07.2023).
10. Miller G.F. *Opisanie zhivushchikh v Kazanskoy gubernii yazycheskikh narodov, yakoto: cheremis, chuvash, votyakov* [Description of pagan peoples living in the Kazan province, supposedly: Cheremis, Chuvash, Votyakov]. St. Petersburg, 1791. 101 p.
11. Moshkov V.A. *Melodii Volgo-Kam'ya* [Melodies of the Volga-Kama Region]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2011. 366 p.
12. Nigmedzyanov M.N. Tatarskie narodnye muzykal'nye instrumenty [Tatar Folk Musical Instruments]. *Muzykal'naya fol'kloristika. Vypusk 2* [Musical folkloristics. Issue 2]. Moscow: Sovetskiy kompozitor, 1978, pp. 266–297.
13. Nigmedzyanov M.N. *Tatarskie narodnye pesni* [Tatar Folk Songs]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 240 p.
14. Pavlov F.P. Chävash kësli [Chuvash Gusli]. *Suntal* [Suntal]. 1928, No. 8, pp. 23–24.
15. Pavlov F.P. Chuvashskie gusli [Chuvash Gusli]. *Sobranie sochineniy. V 2-kh tomakh. Tom 2* [Collected Works. In 2 Volumes. Vol. 2]. Translated by N.S. Pavlov. Cheboksary, 1971, pp. 248–250.
16. Pallas P.S. *Puteshestvie po raznym mestam Rossiyskogo gosudarstva po poveleniyu Sanktpeterburgskoy Akademii nauk. Chast' 1* [Travel to Different Places of the Russian State at the Behest of the St. Petersburg Academy of Sciences. Part 1]. St. Petersburg, 1773. 776 p.
17. Taranchi [Taranchi]. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya. Tom 14: Taanakh–Feleo* [Soviet Historical Encyclopaedia. Volume 14: Taanach–Feleo]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1973. Column 118.
18. Famintsyn A.S. *Gusli. Russkiy narodnyy muzykal'nyy instrument. Istoricheskiy ocherk* [Gusli. Russian folk musical instrument. Historical essay]. St. Petersburg, 1890. 135 p.
19. Findeyzen N.F. *Ocherki po istorii muzyki v Rossii. S drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka. Tom 1. Vypusk III: S drevneyshikh vremen do nachala XVIII veka* [Essays on the History of Music in Russia. From Ancient Times to the End of the XVIII Century. Volume 1. Issue II: From Ancient Times to the Beginning of the XVIII Century]. Moscow; Leningrad: Muzgiz, 1928. pp. 105–236.
20. Khornbostel' E.M. fon, Zaks K. *Sistematika muzykal'nykh instrumentov* [Systematics of Musical Instruments]. *Narodnye muzykal'nye instrumenty i instrumental'naya muzyka* [Folk Musical Instruments and Instrumental Music]. Translation by I.Z. Alender. Moscow: Sovetskiy kompozitor, 1987, pp. 229–261.

About the authors:

Mikhail G. Kondratyev, Dr.Sci. (Arts), Chief Research Worker at the Art Department, Chuvash State Institute of Humanities (428015, Cheboksary, Russia), **ORCID: 0000-0003-0394-3170**, Mikh-kondratev@yandex.ru